

А Д В О К А Т С К А Я П А Л А Т А
города Москвы
С О В Е Т

РЕШЕНИЕ

город Москва

№ 295

27 октября 2022 года

Совет Адвокатской палаты города Москвы в составе ..., рассмотрев посредством видео-конференц-связи в закрытом заседании дисциплинарное производство, возбужденное по обращению судьи М. областного суда В. от 31 мая 2022 года № ... (вх. № ... от 07.06.2022) в отношении адвоката П. (регистрационный номер ... в реестре адвокатов города Москвы),

установил:

В соответствии с Заключением Квалификационной комиссии от 15 сентября 2022 года дисциплинарное производство признано подлежащим прекращению вследствие отсутствия в действиях (бездействии) адвоката П. нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

Адвокат П., надлежащим образом уведомленный о дне, времени и месте рассмотрения настоящего дисциплинарного производства, в заседание Совета не явился, ходатайств об отложении не заявлял. Представитель адвоката П. – адвокат Б. (регистрационный номер ... в реестре адвокатов города Москвы; удостоверение № ..., выдано Главным управлением Министерства юстиции Российской Федерации по Москве 30 октября 2012 года; Ордер № ... от 14 июля 2022 года) заявил письменное ходатайство о рассмотрении дисциплинарного производства в отсутствие адвоката П. и его представителя – адвоката Б. В ходатайстве также указывается, что с выводами Заключения Квалификационной комиссии они согласны в полном объеме (вх. № ... от 24.10.2022).

Совет рассмотрел дисциплинарное производство в отсутствие адвоката П. и его представителя – адвоката Б., поскольку они своевременно получили Заключение Квалификационной комиссии, ознакомились с ним, с выводами согласны, ранее давали письменные и устные объяснения, представляли доказательства, а положения п. 5 ст. 24 Кодекса профессиональной этики адвоката предусматривают, что неявка кого-либо из участников дисциплинарного производства не препятствует разбирательству и принятию решения.

Рассмотрев и обсудив материалы дисциплинарного производства, Совет в полном объеме соглашается с выводами Квалификационной комиссии, поскольку они основаны на правильно и полно установленных обстоятельствах.

Так, из обращения судьи М. областного суда В. от 31 мая 2022 года № ... следует, что заявитель выдвигает против адвоката П. дисциплинарные обвинения в нарушении им при осуществлении защиты Бе. положений ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и ст. 12 Кодекса профессиональной этики адвоката, выразившемся в «умышленных и неоднократных нарушениях УПК РФ, предусматривающих особенности рассмотрения уголовного дела с участием коллегии присяжных заседателей», а также в проявлении неуважения к суду и иным участникам процесса. По мнению заявителя, действия и поведение адвоката П. умаляют авторитет адвокатуры, судебной власти, а также достоинства и профессиональные качества председательствующего.

Указанные дисциплинарные обвинения Совет рассматривает в пределах тех фактических оснований, которые изложены в обращении.

Прежде всего, Совет констатирует необоснованность довода обращения о том, что «несмотря на внесенное судом сообщение» в адрес Президента Адвокатской палаты города Москвы, «принятое по нему Палатой решение привело к осознанию адвокатом П. полной безнаказанности и вседозволенности своих действий при осуществлении защиты подсудимой Бе. в судебном разбирательстве М. областного суда». Рассмотрение Квалификационной комиссией и Советом Адвокатской палаты города Москвы дисциплинарного производства, возбужденного в отношении адвоката П. по предыдущему обращению заявителя от 03 февраля 2022 года № ... (вх. № ... от 11.02.2022), не могло привести указанного адвоката к «осознанию полной безнаказанности и вседозволенности его действий», поскольку в соответствии с п. 3 ст. 19 Кодекса профессиональной этики адвоката дисциплинарное производство обеспечивает своевременное, объективное и справедливое рассмотрение жалоб, представлений, обращений в отношении адвоката. При этом согласно п. 4 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката, «меры дисциплинарной ответственности применяются только в рамках дисциплинарного производства в соответствии с процедурами, предусмотренными Разделом 2 настоящего Кодекса. Применение к адвокату мер дисциплинарной ответственности, включая прекращение статуса адвоката, является предметом исключительной компетенции Совета, за исключением случаев, когда дисциплинарное дело рассматривается в Федеральной палате адвокатов».

Возможное несогласие автора обращения с решением, вынесенным Советом по результатам рассмотрения указанного дисциплинарного разбирательства, также не свидетельствует о наступлении тех последствий, о которых он сообщает в своём новом обращении, послужившим поводом для возбуждения настоящего дисциплинарного производства.

Кроме того, переоценка при рассмотрении настоящего дисциплинарного производства выводов, изложенных в актах органов адвокатского самоуправления при разрешении предыдущего дисциплинарного производства, не предусмотрена Кодексом профессиональной этики адвоката. Такая переоценка недопустима в силу пп. 1 п. 3 ст. 21 Кодекса профессиональной этики адвоката, согласно которому обстоятельством, исключающим возможность дисциплинарного производства, является, в числе прочих, состоявшееся ранее решение Совета по дисциплинарному производству с теми же участниками по тому же предмету и основанию.

Рассматривая довод заявителя о «полном игнорировании» адвокатом П. в судебном заседании М. областного суда 04 апреля 2022 года «замечаний», объявленных ему председательствующим «за нарушение регламента судебного заседания», а также «разъяснений о недопущении особенностей рассмотрения уголовного дела с участием коллегии присяжных заседателей» [*Так указано в обращении – Примечание Совета*], Совет отмечает его неконкретность. Согласно взаимосвязанным предписаниям п. 2 ст. 19 и пп. 6 п. 2 ст. 20 Кодекса профессиональной этики адвоката, предметом рассмотрения органов адвокатского самоуправления в ходе дисциплинарного производства должен являться поступок адвоката, что предполагает указание в обращении заявителя конкретных действий (бездействия) адвоката, подлежащих оценке. Вопреки данным требованиям, из рассматриваемого обращения не усматривается, в чем именно выразилось «полное игнорирование» адвокатом П. замечаний председательствующего, объявленных ему в судебном заседании М. областного суда 04 апреля 2022 года, а также действия (бездействие) адвоката П., повлекшие объявление ему этих замечаний.

Сам факт постановления судом на обсуждение сторон вопроса об освобождении адвоката П. от участия по делу с последующим решением об объявлении «очередного замечания с целью исключения волокиты по делу» не может являться основанием для вывода Совета о нарушении адвокатом П. каких-либо профессионально-этических норм.

Совет также учитывает, что из представленной в материалы дисциплинарного производства выписки из протокола судебного заседания М. областного суда от 04 апреля 2022 года по уголовному делу № ... следует, что вопрос об освобождении адвоката П. от участия по делу был вынесен судом «на обсуждение сторон», в том числе, в связи с высказанными им доводами о совершении преступления иным лицом. Между тем, согласно Определению Конституционного Суда Российской Федерации от 25 ноября 2020 года № 2634-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Ерохина Игоря Игоревича на нарушение его конституционных прав частью первой статьи 252 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации», «статья 252 УПК Российской Федерации ни сама по себе, ни во взаимосвязи с нормами главы 42 этого Кодекса не содержит положений, ограничивающих право подсудимого приводить доказательства и

доводы, опровергающие позицию стороны обвинения, в том числе свидетельствующие о своей непричастности к преступлению, о совершении преступления не им, а другим лицом. Иное приводило бы к ограничению как права подсудимого опровергать обвинение, так и права присяжных заседателей исследовать обстоятельства уголовного дела и доказательства, необходимые и достаточные для разрешения вопросов, отнесенных к их полномочиям, к отступлению от принципов презумпции невиновности, состязательности, равноправия сторон уголовного судопроизводства, независимости и беспристрастности суда (статьи 49, 120 (часть 1), 123 (часть 3) Конституции Российской Федерации; статьи 14 и 15 УПК Российской Федерации)». Кроме того, согласно абз. 3 п. 20 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 22 ноября 2005 года № 23 «О применении судами норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих судопроизводство с участием присяжных заседателей», введенного Постановлением Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 июня 2022 года № 22, «председательствующий обеспечивает проведение судебного разбирательства в пределах предъявленного подсудимому обвинения, поддержанного государственным обвинителем, предоставляя сторонам возможность довести до коллегии присяжных заседателей свою позицию, в том числе о непричастности подсудимого к совершению преступления или совершении преступления другим лицом».

Совет не считает для себя возможным при рассмотрении дисциплинарного производства давать оценку действиям председательствующего на предмет соблюдения им уголовно-процессуальных норм. Вместе с тем, Совет подчёркивает, что следование адвоката П. правовым позициям Конституционного и Верховного судов Российской Федерации является неотъемлемой и обязательной частью надлежащего исполнения им профессиональных обязанностей перед доверителем Бе. и, следовательно, не может являться основанием для наступления дисциплинарной ответственности адвоката.

Информирование адвокатом П. председательствующего о Заключении Квалификационной комиссии, вынесенном 06 апреля 2022 года по возбужденному в отношении него дисциплинарному производству, также не может рассматриваться как нарушение норм профессиональной этики адвоката. Согласно выписки из протокола судебного заседания М. областного суда от 04 апреля 2022 года по уголовному делу № ..., указанное заявление было сделано адвокатом П. лишь после того, как «председательствующий напомнил адвокату П. о том, что за допущенные им ранее нарушения ст. 12 Кодекса профессиональной этики адвоката по направленному судом сообщению решение примет Адвокатская палата». Таким образом, заявление адвоката П.: «Палата уже решение приняла и, как видите, я тут перед Вами» являлось ответом на предшествовавшее ему заявление председательствующего судьи. Данное высказывание было выражено в корректной форме. По этим причинам Совет не находит оснований для

оценки указанного заявления адвоката П. как проявления неуважения к суду. Данным заявлением адвокат П. по существу обратил внимание председательствующего судьи на исключительную компетенцию органов адвокатского самоуправления по разрешению дисциплинарного производства в отношении адвоката, в том числе, по установлению наличия или отсутствия в действиях адвоката нарушения требований профессиональной этики.

В связи с этим Совет констатирует отсутствие в указанных действиях адвоката П. нарушения предписаний ст. 12 Кодекса профессиональной этики адвоката.

Равным образом Совет не усматривает оснований для дисциплинарной ответственности адвоката П. и в доводе заявителя о том, что в судебном заседании 11 апреля 2022 года адвокат П. «бравировал решением Адвокатской Палаты», заявив председательствующему о том, что последний может и дальше «писать на него жалобы». Согласно выписке из протокола судебного заседания М. областного суда от 11 апреля 2022 года, адвокат П. не указывал конкретные решения органов адвокатского самоуправления и не раскрывал их содержание. При таких обстоятельствах Совет приходит к выводу о том, что утверждение о «бравировании» адвокатом П. «решением Адвокатской Палаты» является субъективной оценкой заявителя, которая не подтверждена доказательствами и не опровергает презумпцию добросовестности адвоката П.

Оценивая доводы обращения о том, что в судебном заседании 11 апреля 2022 года адвокат П. задавал свидетелю Ш. вопросы в нетактичной форме, проявляя к ней неуважение, и вопросы, «неподлежащие исследованию с участием коллегии присяжных заседателей, выходящие за рамки требований ст. 252 УПК РФ, содержащие негативную оценку личности свидетеля», Совет отмечает следующее. Из содержания представленных в материалы дисциплинарного производства доказательств - выписки из протокола судебного заседания М. областного суда от 11 апреля 2022 года, а также аудиозаписи этого судебного заседания, Совет констатирует, что вопросы, заданные свидетелю Ш. защитником подсудимой Бе. – адвокатом П., были направлены на выяснение существенных для разрешения уголовного дела обстоятельств: отношений, сложившихся у Бе. с подчиненными ей сотрудниками медицинского учреждения. Однако вопрос адвоката П. о том, подвергала ли подсудимая Бе. «травле личный состав больницы», председательствующий снял «как не имеющий отношения к существу уголовного дела, содержащий неясную и некорректную формулировку».

Совет учитывает, что согласно ч. 1 ст. 252 УПК РФ, «судебное разбирательство проводится только в отношении обвиняемого и лишь по предъявленному ему обвинению», а также, что в соответствии с требованиями ч. 7 ст. 335 УПК РФ «в ходе судебного следствия в присутствии присяжных заседателей подлежат исследованию только те фактические обстоятельства уголовного дела, доказанность которых устанавливается присяжными заседателями в соответствии с их полномочиями, предусмотренными статьей 334 настоящего Кодекса». Вместе

с тем, по смыслу разъяснений, содержащихся в п. 20 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 22 ноября 2005 года № 23, возложенная на председательствующего обязанность по обеспечению проведения судебного разбирательства в пределах предъявленного подсудимому обвинения реализуется при обязательном условии предоставления сторонам возможности довести до коллегии присяжных заседателей свою позицию, в том числе о непричастности подсудимого к совершению преступления или совершении преступления другим лицом. Таким образом, хотя исполнение вышеуказанной обязанности предполагает постоянную оценку председательствующим соблюдения пределов судебного разбирательства на всём его протяжении, это не исключает иной правовой оценки пределов судебного разбирательства со стороны защитника как самостоятельного участника уголовного судопроизводства. Поэтому сам факт постановки адвокатом П. вопросов, выходящих, по мнению председательствующего, за пределы судебного разбирательства, не свидетельствует о нарушении адвокатом норм профессиональной этики. Иной подход исключил бы саму возможность формирования и отстаивания адвокатом-защитником независимого профессионального мнения.

Обоснованность утверждения заявителя о том, что вопросы адвоката П. выходили за рамки требований ст. 252 и ч. 7 ст. 335 УПК РФ, может быть проверена только в уголовно-процессуальном порядке, что не входит в задачи дисциплинарного производства и полномочия дисциплинарных органов адвокатского самоуправления.

Однако, в силу универсального принципа правовой определенности, действия адвоката-защитника, не совпадающие с толкованием уголовно-процессуального закона правоприменителем, не могут являться основанием для привлечения адвоката к дисциплинарной ответственности, поскольку для целей дисциплинарного производства такие действия не могут рассматриваться как нарушающие нормы процессуального законодательства.

Кроме того, характер вопросов, заданных адвокатом П. свидетелю Ш., был обусловлен тактикой защиты и позицией подсудимой Бе. В этой связи Совет отмечает, что органы адвокатского самоуправления при разрешении дисциплинарных производств не вмешиваются в тактику, самостоятельно определяемую адвокатом как независимым профессиональным советником по правовым вопросам при ведении конкретного дела. Претензии к адвокату в части, касающейся избранной им тактики ведения дела, не могут служить основанием для привлечения адвоката к дисциплинарной ответственности за нарушение норм законодательства об адвокатской деятельности или Кодекса профессиональной этики адвоката.

Не может рассматриваться как неисполнение требований ст. 12 Кодекса профессиональной этики адвоката и заявленное адвокатом П. ходатайство о разъяснении присяжным заседателям их права задавать через председательствующего вопросы допрашиваемым лицам. Указанное право прямо предусмотрено п. 1 ч. 1 ст. 333 УПК РФ, в связи с чем ходатайство о

его разъяснении, в том числе и повторном, не может быть признано нарушением уголовно-процессуального законодательства.

Заявителем не представлено доказательств того, что указание адвоката П. на знакомство со свидетелем Ш. и обращенная к ней просьба «подождать его в коридоре суда» являлись проявлениями нетактичного поведения адвоката П. по отношению к указанному свидетелю.

Сопоставление выписки из протокола судебного заседания от 11 апреля 2022 года с аудиозаписью судебного заседания от 11 апреля 2022 года приводит Совет к выводу о том, что выписка из протокола судебного заседания от 11 апреля 2022 года содержит существенные сокращения. При этом из аудиозаписи судебного заседания следует, что заявление адвоката П. о знакомстве со свидетелем Ш., вне зависимости от его процессуального и фактологического значения для рассматриваемого дела, было сделано в корректной форме в ответ на заявления председательствующего, содержащие негативную оценку поведения адвоката П., и было обращено не к свидетелю Ш., а к председательствующему. В свою очередь, адресованное свидетелю Ш. предложение адвоката П. («можете подождать меня в коридоре, я вам объясню») было сделано после того, как свидетель Ш. оспорила свое знакомство с адвокатом П., то есть, было направлено на устранение возможных сомнений участников судебного разбирательства в честности адвоката П. и достоверности сообщаемой им информации. Поэтому и данная реплика адвоката П. не может рассматриваться как нарушение норм профессиональной этики адвоката. Напротив, по смыслу абз. 2 преамбулы Кодекса профессиональной этики адвоката обязательным условием адвокатской деятельности является забота адвоката о своих чести и достоинстве.

Довод обращения о том, что «неоднократное устное заявление адвоката П. об авторстве кандидатской диссертации государственного обвинителя» свидетельствует о неуважении к иным участникам процесса, Совет признаёт неконкретным. Отраженное в выписке из протокола судебного заседания от 04 апреля 2022 года однократное заявление адвоката П. о том, что он «считает диссертацию прокурора плагиатом», сделано в опровержение доводов государственного обвинителя о необходимости отстранения адвоката П. от участия в уголовном судопроизводстве в связи с нанесением ей «прямых оскорблений». Указанное заявление является мнением адвоката П., которое не выражено в неприличной или иной противоречащей общепринятым нормам морали и нравственности форме. При этом, согласно п. 2 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката, «адвокат не может быть привлечен к какой-либо ответственности (в том числе после приостановления или прекращения статуса адвоката) за выраженное им при осуществлении адвокатской деятельности мнение, если только вступившим в законную силу приговором суда не будет установлена виновность адвоката в преступном действии (бездействии)».

Не содержат сведений о нарушении адвокатом норм профессиональной этики и доводы обращения о том, что адвокат П. в судебном заседании 18

апреля 2022 года в присутствии присяжных заседателей «пререкался с председательствующим» и возражал против его действий, а в судебном заседании 23 мая 2022 года заявлял «процессуальные ходатайства» и «начал заявлять возражения на действия председательствующего».

Довод заявителя о «пререкании с председательствующим» не конкретизирован и, исходя из содержания представленной выписки из протокола судебного заседания от 18 апреля 2022 года, является результатом субъективной оценки заявителем неоднократных возражений адвоката П. против его действий. Такие действия защитника прямо предусмотрены уголовно-процессуальным законом и дисциплинарного проступка не образуют. При этом заявление в присутствии присяжных заседателей как возражений на действия председательствующего, так и «процессуальных ходатайств» не свидетельствует о нарушении адвокатом П. какой-либо нормы уголовно-процессуального закона, поскольку положения ст. 335 УПК РФ понятия «процессуальные ходатайства» не содержат и не запрещают заявление в присутствии присяжных заседателей возражений против действий председательствующего. Согласно ч. 6 ст. 335 УПК РФ, «если в ходе судебного разбирательства возникает вопрос о недопустимости доказательств, то он рассматривается в отсутствие присяжных заседателей». Однако уголовно-процессуальный закон не содержит запрета на критику относимости, достоверности и достаточности доказательств, поскольку решение этих вопросов, в отличие от вопроса о допустимости доказательств, является компетенцией присяжных заседателей. Помимо этого, Совет отмечает, что исключение из спектра внимания присяжных заседателей любых вопросов процессуального характера не может быть практически обеспечено, поскольку деятельность участников уголовного судопроизводства является процессуальной по своей природе.

Совет также отмечает, что в основу вывода о наличии в действиях адвоката дисциплинарного проступка не может быть положено субъективное и расширительное толкование норм уголовно-процессуального закона. Оценке со стороны органов адвокатского самоуправления могут быть подвергнуты только такие действия (бездействие) адвоката, которые в силу явного характера допущенных им нарушений норм процессуального законодательства могут быть квалифицированы как свидетельствующие о неисполнении адвокатом своих профессиональных обязанностей перед доверителем или повлекшие наступление негативных публично-правовых последствий.

Не может рассматриваться как нарушение норм профессиональной этики адвоката и отраженное в выписке из протокола судебного заседания от 23 мая 2022 года заявление адвоката П. о том, что «объявлять замечания» ему вправе «только адвокатская Палата», поскольку данное заявление по существу является возражением против действий председательствующего, объявившего «замечание адвокату П.». Ст. 258 УПК РФ не предусматривает такую меру воздействия в отношении защитника за нарушение порядка в судебном заседании, а применение к адвокату меры дисциплинарной

ответственности, в том числе и в виде замечания, действительно возможно только в рамках дисциплинарного производства.

Действия адвоката П. в судебных заседаниях 23 мая 2022 года и 30 мая 2022 года, рассматриваемые заявителем как «комментирование вопросов председательствующего», исходя из содержания представленных в материалы дисциплинарного производства аудиозаписей этих судебных заседаний, а также выписок из протокола судебного заседания, являлись формой возражения адвоката П. против действий председательствующего.

Так, Квалификационной комиссией правильно установлено и указано в Заключении, что в судебном заседании 23 мая 2022 года председательствующий задал подсудимой Бе. следующий «вопрос»: *«Сегодня в судебном заседании вы, Бе., уже договорились до того, что сообщили нам, что С. предложила переделать документы, историю родов. С. в судебном заседании, безусловно, ничего подобного не говорила, поясняла о том, что вы настаивали и заставили Ш. переделать историю родов и так далее, на что Ш. согласилась под страхом своего увольнения и так далее, и объясняла здесь почему. Значит, почему вы ни С., ни К., кстати, не задавали здесь вопроса о том, что ж ты оговариваешь меня, почему ж ты не говоришь о том, что именно вы, товарищ С., предложила переделать историю родов?»*.

Аудиозаписью судебного заседания 30 мая 2022 года зафиксирована следующая фраза председательствующего: *«Скажите, пожалуйста, младший состав лечебного учреждения, медсестры – тоже вас оговаривают? Им зачем? Тем, кто не претендовал никогда... правда, даже и С., никто, ни С., ни К. не стали главными врачами и документы не подавали. Почему? Ну, ладно, они как вы полагаете...»*.

Не входя в оценку допустимости подобных вопросов и рассуждений со стороны председательствующего судьи, как по форме, так и по содержанию, Совет отмечает, что действия адвоката П., в первом случае рекомендовавшего своей подзащитной не отвечать на вышеуказанный вопрос, а во втором – заявившего возражения против действий председательствующего, не могут рассматриваться иначе, как исполнение адвокатом П. прямой профессиональной обязанности «следить за соблюдением закона в отношении доверителя и в случае нарушений прав последнего ходатайствовать об их устранении». Согласно ч. 2, 3 ст. 15 УПК РФ функции обвинения, защиты и разрешения уголовного дела отделены друг от друга и не могут быть возложены на один и тот же орган или одно и то же должностное лицо, а суд не является органом уголовного преследования, не выступает на стороне обвинения или стороне защиты. Поэтому если адвокат-защитник полагает, что это требование закона надлежащим образом не исполняется в судебном заседании, он обязан принять меры к устранению нарушений прав своего доверителя.

Вопреки доводам обращения, Совет не усматривает в этих действиях адвоката П. нарушения регламента судебного заседания. Согласно ч. 1 ст. 1 УПК РФ, «порядок уголовного судопроизводства на территории Российской Федерации устанавливается настоящим Кодексом, основанным на

Конституции Российской Федерации». В соответствии с ч. 2 ст. 1 УПК РФ, «порядок уголовного судопроизводства, установленный настоящим Кодексом, является обязательным для судов, органов прокуратуры, органов предварительного следствия и органов дознания, а также иных участников уголовного судопроизводства». В свою очередь, положениями ст. 257 УПК РФ установлен следующий регламент судебного заседания: «1. При входе судей все присутствующие в зале судебного заседания встают. 2. Все участники судебного разбирательства обращаются к суду, дают показания и делают заявления стоя. Отступление от этого правила может быть допущено с разрешения председательствующего. 3. Участники судебного разбирательства, а также иные лица, присутствующие в зале судебного заседания, обращаются к суду со словами “Уважаемый суд”, а к судье – “Ваша честь”. 4. Сотрудник органов принудительного исполнения Российской Федерации обеспечивает порядок судебного заседания, выполняет распоряжения председательствующего. Требования сотрудника органов принудительного исполнения Российской Федерации обязательны для лиц, присутствующих в зале судебного заседания. 5. Судебное разбирательство проводится в условиях, обеспечивающих установленный порядок судебного заседания и безопасность участников уголовного судопроизводства. Действия лиц, присутствующих в зале судебного заседания и осуществляющих разрешенные судом фотографирование, видеозапись и (или) киносъемку, трансляцию по радио, телевидению или в информационно-телекоммуникационной сети “Интернет”, не должны нарушать установленный порядок судебного заседания. Эти действия могут быть ограничены судом во времени и должны осуществляться на указанных судом местах в зале судебного заседания и с учетом мнения лиц, участвующих в деле». Таким образом, понятие «регламент судебного заседания» в уголовном судопроизводстве является определённым и не может толковаться расширительно. При этом законом не предусмотрена обязанность адвоката, участвующего в уголовном судопроизводстве в качестве защитника, следовать любым указаниям председательствующего, не подвергая их критической оценке.

Вместе с тем, право защитника, как и любого другого участника судебного разбирательства, возражать против действий председательствующего предусмотрено ч. 3 ст. 243 УПК РФ. Уголовно-процессуальный закон не предъявляет к форме и содержанию возражений участника судебного разбирательства против действий председательствующего специальных требований, но предусматривает обязательность занесения таких возражений в протокол судебного заседания (ч. 3 ст. 243 УПК РФ).

В связи с этим Совет не находит возможным признать описанные в обращении действия адвоката П., квалифицированные заявителем как «пререкания с председательствующим», нарушением регламента судебного заседания.

Совет констатирует, что суды и судьи, как и любые другие публичные институты, не пользуются иммунитетом от критики и контроля. Таким образом, за исключением случаев, чреватых причинением серьезного ущерба в результате нападков, которые, по существу, необоснованны, и принимая во внимание, что судьи образуют часть фундаментального института государства, они могут являться объектом личной критики в допустимых пределах, и не только теоретически и в общем плане. Действуя в официальном качестве, они, следовательно, могут подлежать более широким пределам допустимой критики, чем обычные граждане (*Постановление Европейского Суда по правам человека от 28 июня 2016 года «Дело «Радобуляц против Хорватии» // «Прецеденты Европейского Суда по правам человека». 2018. № 2*). При этом право адвоката на свободу выражения мнения в суде тесно связано с правом на справедливость судебного разбирательства в отношении клиента и непосредственно влияет на справедливость суда, а принцип равенства сторон и другие соображения справедливости предполагают «открытый и возможно резкий обмен аргументами между сторонами в процессе» (*Постановления Европейского Суда по правам человека от 21 марта 2002 года по делу «Никула против Финляндии», жалоба № 31611/96; от 28 октября 2003 года по делу «Стеур против Нидерландов», жалоба № 39657/98*).

По этим причинам Совет не находит оснований для признания приведенных в обращении возражений адвоката П. против действий председательствующего нарушением профессионально-этических норм.

Содержащееся в обращении утверждение о переходе адвоката П. на личность председательствующего заявителем, вопреки требованиям пп. 6 п. 2 ст. 20 Кодекса профессиональной этики адвоката, не конкретизировано.

Довод обращения о нарушении адвокатом П. требований ст. 12 Кодекса профессиональной этики адвоката, выразившемся в том, что, повышая голос на председательствующего, он высказал фразу: «*Прошу прекратить этот цирк!*», Совет рассматривает в контексте сложившейся процессуальной ситуации, а именно явно выраженных председательствующим в присутствии присяжных заседателей сомнений в достоверности показаний подсудимой Бе.

Выражение этих сомнений явно усматривается из следующего «вопроса» председательствующего подсудимой Бе.: «*А, вы ответили, вот так, да? Понятно. Скажите, пожалуйста, врачи судебно-медицинской экспертизы бюро С., которые установили причину смерти. Семь человек врачей С., не К., не М. – С. – установили причину смерти, указали, что эта причина смерти от сульфата магния, от введения не по показателям и вообще превышающей... Ну, мы эту экспертизу исследовали неоднократно, тут споры были, я напоминал. Они тоже претендовали на должность главного врача, либо они какой интерес имели? Были предупреждены, кстати, за заведомо ложное заключение в С. врачи. Как вы полагаете?*».

Из аудиозаписи судебного заседания от 30 мая 2022 года также следует что, председательствующий попросил присяжных заседателей не принимать во внимание доводы подсудимой Бе., поскольку «такого не было», и «вопрос

был один, а ответ – совершенно другой, про то, что следователь здесь у нас, оказывается, что-то сделал...».

Далее председательствующий допустил следующее высказывание: «Ну, давайте так, следователь кому-то там надиктовал. Потерпевшей Бе. или кому? Извините. Потерпевшей Р.? Хотя у них нет таких показаний».

После пояснения подсудимой Бе. о том, что указанные действия были совершены по отношению к «потерпевшей А.», председательствующий сообщил: *«Хорошо, переключаемся на потерпевшую А.»*.

В ответ на последнее высказывание адвокат П. заявил: *«Ваша честь, давайте прекратим этот цирк, потому что вы не задаете конкретные вопросы по обстоятельствам, которые Вам сообщили. Вы пытаетесь устроить цирк»*.

Оценивая указанное высказывание адвоката П., Совет отмечает, что, вопреки доводам обращения, оно было сделано без повышения голоса на председательствующего, а интонация адвоката П. в целом соответствовала интонациям председательствующего.

Хотя указанное высказывание адвоката П. носит ярко выраженный эмоциональный и образный характер, оно не содержит негативной оценки личных или профессиональных качеств председательствующего, оскорбления участника судебного разбирательства и не позволяет прийти к выводу о том, что адвокат П. сравнил судебное разбирательство с цирком. В полном соответствии с требованиями ч. 3 ст. 257 УПК РФ адвокат П. обратился к председательствующему «Ваша честь».

При таких обстоятельствах Совет признает указанное высказывание адвоката П. формой возражений против действий председательствующего и необходимым компенсационным действием, направленным на реализацию принципа состязательности, гарантированного ст. 15 УПК РФ. Избранная адвокатом П. устная форма данного высказывания не исключала применение характерных для устной речи ярких и эмоциональных аналогий, направленных на наиболее эффективное доведение высказываемой позиции до председательствующего и иных участников судебного разбирательства.

При этом явная экспрессивность предшествующих высказываний председательствующего указывала на допустимость аналогичных, эквивалентных по силе эмоционального воздействия высказываний и со стороны других участников судебного разбирательства. В противном случае сторона защиты оказывалась бы в явно уязвимом положении по отношению к стороне обвинения, с которой, по мнению адвоката П., солидаризировался председательствующий. В этой связи форма заявления адвоката П. возражений против действий председательствующего не вступала в противоречие с полемическим характером высказываний последнего.

По этой причине анализируемое высказывание адвоката П. не может рассматриваться как проявление неуважения к суду, равно как и нарушение норм процессуального права.

В целом поведение адвоката П., по мнению Совета, не выходило за рамки равноправного общения с другими участниками уголовного

судопроизводства и сложившегося при рассмотрении конкретного уголовного дела стиля такого общения. При этом Совет отмечает, что отраженное в выписке из протокола судебного заседания от 30 мая 2022 года указание председательствующего на то, что защитником – адвокатом П. допущено «очередное грубое нарушение регламента судебного заседания», отсутствует на аудиозаписи указанного судебного заседания, поступившей в Адвокатскую палату города Москвы из М. областного суда.

При таких обстоятельствах Совет не усматривает оснований для вывода о том, что профессиональное поведение адвоката П. при осуществлении защиты подсудимой Бе. по уголовному делу № ..., рассматриваемому М. областным судом с участием присяжных заседателей, являлось проявлением его неуважения к суду и другим участникам процесса либо повлекло умаление авторитета судебной власти, адвокатуры, достоинства и профессиональных качеств председательствующего.

Как неоднократно отмечали органы адвокатского самоуправления города Москвы, «в отстаивании интересов доверителя адвокат может проявлять не всегда устраивающую суд активность: заявлять многочисленные ходатайства, возражения на действия председательствующего и т.д., однако это не может свидетельствовать о нарушении адвокатом норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре и (или) Кодекса профессиональной этики адвоката, поскольку такие способы реализации адвокатом-защитником процессуальных прав предусмотрены уголовно-процессуальным законодательством (ст. 53, ч. 3 ст. 243, ст. 248 и др. УПК РФ), а адвокат обязан честно, разумно и добросовестно отстаивать права и законные интересы доверителя всеми не запрещенными законодательством Российской Федерации средствами (подп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»)» (*Дисциплинарная практика Адвокатской палаты города Москвы, 2009 год: [сборник] / Адвокатская палата города Москвы; [сост. и отв. ред. Н.М. Кипнис]. – М.: Развитие правовых систем, 2014. С. 469*).

Кроме того, общепризнанные нормы и принципы международного права защищают не только содержание выраженных идей и информации, но также форму, в которую они облечены. При оценке корректности заявлений, сделанных адвокатом в судебном заседании в процессе исполнения профессиональных обязанностей, следует исходить из принципа пропорциональности и недопущения «замораживающего эффекта» по отношению к исполнению адвокатом своих обязанностей по делу и защите интересов доверителей в будущем (*см. Постановление Европейского Суда по правам человека от 3 февраля 2011 года по делу «Игорь Кабанов (Igor Kabanov) против Российской Федерации» (жалоба № 8921/05) // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2011. № 9*).

Совет также обращает внимание, что анализируемые высказывания адвоката П. были сделаны в устной форме и в ситуации высокого эмоционального напряжения, когда у адвоката «не было возможности

переиначить высказанное, облагородить фразу или опустить ее до того, как употребленное им выражение станет достоянием публики» (см., *mutatis mutandis*, Постановление Европейского Суда по правам человека по делу «Гюндюз против Турции» [*Gündüz v. Turkey*] (Application № 35071/97) // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. Российское издание. 2004. № 4. С. 20-21).

Руководствуясь приведёнными правовыми позициями в сопоставлении с фактическими обстоятельствами, установленными в результате дисциплинарного разбирательства, Совет приходит к выводу о том, что презумпция добросовестности адвоката П. не опровергнута заявителем.

На основании изложенного, руководствуясь пп. 9 п. 3 ст. 31 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», пп. 2 п. 1 ст. 25 Кодекса профессиональной этики адвоката, Совет Адвокатской палаты города Москвы

р е ш и л:

Прекратить дисциплинарное производство в отношении адвоката П. (регистрационный номер ... в реестре адвокатов города Москвы), возбужденное по обращению судьи М. областного суда В. от 31 мая 2022 года № ... (вх. № ... от 07.06.2022), вследствие отсутствия в действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

**Президент
Адвокатской палаты города Москвы**

И.А. Поляков